

Таинственный незнакомец

Марк Твен

Школьная горка

«Public Domain»

1898

Твен М.

Школьная горка / М. Твен — «Public Domain»,
1898 — (Таинственный незнакомец)

«Школьная горка» – первая книга из незавершенного цикла о молодом Сатане Номере Сорок Четвертом. Эта книга осталась незавершенной, хотя, судя по черновикам, у Твена было много вариантов развития сюжета. У. Гибсон считает, что это произошло из-за противоречий, возникших у Твена в процессе работы над ней. Ведь он хотел, чтоб молодой Сатана был Прометеем и в то же время другом Тома и Гека.

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марк Твен

Школьная горка

Глава I

Это случилось без малого пятьдесят лет тому назад в одно морозное утро. Вверх по голому склону Школьной горки взбирались, с трудом одолевая крутой подъем и шквальный ветер, мальчики и девочки из деревушки Петербург¹. Ветер был не единственной помехой и не самой скверной: горку сковала броня смерзшегося снега, весьма ненадежная опора. То и дело какой-нибудь мальчик почти добравшись до школы и уже не боясь оступиться, делал уверенный шаг и, поскользнувшись, падал на спину и летел стремглав вниз за пустыми санками, а бредущие навстречу товарищи очищали ему путь и хлопали в ладоши, когда он пролетал мимо; через несколько секунд он оказывался у подножия, и ему предстояло проделать всю работу снова. Но это было весело – весело самому мальчишке, весело очевидцам, весело всем вокруг, ведь мальчишки и девчонки неопытны и живут себе, не зная бед. Сид Сойер, хороший мальчик, образцовый мальчик, осмотрительный мальчик, не поскользнулся. Он не брал с собой санок, ступал с осторожностью и добрался благополучно. Том Сойер принес санки и добрался без приключений, потому что ему помогал Гек Финн, хоть тот и не учился в школе, а просто пришел, чтоб побыть с Томом, пока ребят не «запустят» в школу. Генри Баском тоже добрался благополучно – Генри Баском, поступивший в школу в прошлом году, сын богатого работоторговца. Ну и подлый же он был парень, кичился дорогой одеждой, а дома имел игрушечную бойню со всякими устройствами и на ней убивал котят и щенков точно так, как на бойне «Пойнт» забивали крупный скот; он был первый задира и верховод в школе в том году; робкие и слабые боялись его, заискивали, а вообще никто его не любил. Он добрался благополучно, потому что его раб, мальчишка Джейк, помогал ему лезть в гору и тянул его санки; и это были не какие-нибудь самоделки, а фабричные санки, раскрашенные, с обитыми железом полозьями, привезенные из Сент-Луиса, – единственные покупные санки в деревне.

Наконец все двадцать пять – тридцать мальчишек и девчонок были в сборе, красные, запыхавшиеся и, несмотря на шерстяные шарфы, кашне и варежки, озябшие; девчонки стайкой прошли в маленькое школьное здание, мальчишки толклись под навесом.

Тут все заметили, что появился новенький, и это вызвало чрезвычайный интерес: новый мальчик здесь был большей редкостью, чем новая комета в небе. На вид ему было лет пятнадцать; одет он был опрятнее и изящнее, чем обычный подросток, и был на редкость, непередаваемо хорош собой: славное располагающее лицо, глаза – черные, пламенные, а держался он так скромно, с таким достоинством, изяществом и благожелательностью, что многие мальчишки, приятно удивленные, признали в нем знакомого: он встречался им в книжках о сказочных принцах. Мальчишки пялили на него глаза с докучливой откровенностью обитателей глухомани, но он был невозмутим. Генри Баском, оглядев незнакомца с головы до пят, пролез вперед и нахально спросил:

– Ты кто такой? Как тебя зовут?

Мальчик медленно покачал головой, как бы желая сказать, что не понимает, о чем речь.

– Слышишь? Отвечай! Тот снова покачал головой.

– Говорю тебе – отвечай, а то получишь!

---

¹ В «Школьной горке» Марк Твен описывает город своего детства Ганнибал.

– Так не пойдет, Генри Баском, – вмешался Том Соьер, – это не по правилам. Хочешь затеять драку и не можешь дожидаться большой перемены, как водится, так уж действуй по справедливости – положи на плечо щепку, и пусть он ее собьет!

– Ладно, ему все равно придется драться, ответит он или нет. Мне наплевать, как начнется драка. – Баском положил кусочек льда себе на плечо. – А ну, сшиби, если не трус!

Новенький вопросительно оглядел всех ребят, и тогда Том вышел вперед и стал с ним объясняться знаками. Он коснулся правой руки незнакомца, затем щелчком сбил льдинку сам и показал, что именно это и требуется сделать. Новенький, улыбаясь, протянул руку и тронул льдинку пальцем. Баском размахнулся, целясь ему в лицо и, похоже, промазал; со всей силой, вложенной в удар, он грохнулся об лед и съехал на спине к подножию горки, а ребята от души хохотали и хлопали ему вслед.

Но вот зазвенел звонок, мальчишки ватагой ворвались в школу и торопливо расселись по местам. Новенький нашел себе место в стороне от других и сразу сделался объектом для любопытных взглядов и оживленного перешептывания девочек. И ученье началось. Арчибальд Фергюсон², старый учитель-шотландец, постучал по столу линейкой, поднялся на кафедру и, сложив руки, сказал:

– Помолимся!

За молитвой последовал псалом, за ним – монотонный гул зубрежки; учитель спросил тех, кому задал таблицу умножения, и ему хором отбарабанили до «двенадцатью двенадцать»; затем он стал проверять задачи, и ученики представили грифельные доски, заслужившие многочисленные порицания и скупые похвалы, затем грамматический класс – попугаи, которые знали в грамматике все, кроме того, как использовать ее правила в разговорной речи, занялись грамматическим разбором.

– Диктант! – скомандовал учитель, но тут его взгляд остановился на новеньком, и он отменил приказ. – Хм... новый ученик. Кто ты? Твое имя, мальчик?

Новенький поднялся и произнес с поклоном:

– Pardon, monsieur – je ne comprends par³.

Фергюсон был приятно удивлен и ответил тоже по-французски:

– О, французский, как он ласкает слух! Впервые за много лет я слышу этот язык. Здесь я один говорю по-французски. Добро пожаловать, я рад возобновить свою практику. Ты говоришь по-английски?

– Не знаю ни слова, сэр.

– Постарайся научиться.

– С удовольствием, сэр.

– Ты намерен посещать мою школу регулярно?

– Если позволите, сэр.

– Прекрасно. Пока занимайся только английским. Наша грамматика насчитывает около тридцати правил. Их нужно выучить назубок.

– Я уже знаю их, сэр, только не понимаю, что означают слова.

– Как ты сказал? Знаешь грамматические правила, а слов не понимаешь? Не может быть! Когда ты их выучил?

– Я слышал, как класс хором читал грамматические правила, прежде чем приступить к грамматическому разбору.

Некоторое время учитель озадаченно смотрел на новичка поверх очков, потом спросил:

– Если ты не знаешь английского, откуда тебе известно, что мы занимались грамматикой?

---

² Прообразом Арчибальда Фергюсона послужил учитель школы в Ганнибале шотландец Уильям О'Кросс.

³ *Pardon, monsieur...* – Извините, месье, я не понимаю (фр.). В черновых набросках к повести упоминается, что новенький вначале говорит только по-французски, ведь он прибыл из Парижа, резиденции его отца Сатаны.

– По сходству с французским, само слово «грамматика» везде одинаковое.
– Верно. В смекалке тебе не откажешь. Ты скоро будешь знать правила наизусть.
– Я уже знаю их наизусть, сэр.
– Это невозможно! Что за ахинею ты несешь, сам не отдаешь себе отчета в том, что говоришь!

Мальчик почтительно поклонился и ничего не ответил. Учителю стало неловко, и он сказал примирительным тоном:

– Извини, мне не следовало так с тобой разговаривать. Не обижайся, мой мальчик. Прочти наизусть какое-нибудь правило грамматики, как можешь, не бойся ошибиться.

Новичок начал с первого правила и выполнял задание спокойно и невозмутимо; правило за правилом слетало с его губ без единой ошибки, а учитель и школьники сидели затаив дыхание и слушали, онемев от изумления. В конце мальчик снова поклонился и стоя ждал, что скажет учитель. Одну-две минуты Фергюсон молча сидел на своем высоком стуле, потом спросил:

– Скажи по чести, ты совсем не знал этих правил, когда пришел в школу?

– Не знал, сэр.

– Видит бог, я верю тебе, у тебя на лице написано, что ты не лжешь. Впрочем, нет, не верю, не могу поверить, это невозможно принять на веру. Такая память, такое безупречное произношение – нет, это не... не бывает людей с такой памятью.

Новенький молча поклонился.

Старый шотландец опять почувствовал угрызения совести.

– Я, разумеется, не считаю, я на самом деле не считаю... э... скажи, ты мог бы доказать каким-нибудь образом, что ты никогда до сих пор... К примеру, мог бы ты повторить что-нибудь другое из того, что слышал здесь? Ну-ка попробуй!

С подкупающей простотой и спокойствием и явно без всякого намерения позабавить окружающих, мальчик начал с арифметики и точно передал в своей речи все, что говорил учитель, все, что говорили ученики, подражая их голосам и манере:

– Ей-богу, остается только сбежать на землю праотцов, спрятать голову в густом вереске и никогда не признаваться, что можешь учить род людской! Пять грифельных досок, пять самых светлых голов в школе, и – извольте глянуть! О, вы, шотландцы, пролившие с Уоллесом кровь⁴! – Гарри Слэйтер! – Да, сэр. – С каких это пор 17 плюс 45 плюс 68 и 21 дают в сумме 155, несчастное ты создание? – Позвольте, я объясню, сэр. Салли Фитч пихнула меня, и у меня вышла цифра 9, а я собирался написать... – Никакой девятки в сумме нет, олух ты царя небесного, я тебе поставлю кол за твою ложь, глупую ложь, скудоумную несурязицу. Не умеешь сочинять, говори правду! Бекки Тэчер! – Да, сэр! – Сделай реверанс снова и лучше! – Слушаюсь, сэр. – Приседай ниже! – Слушаюсь, сэр. – Очень хорошо. А теперь скажи, как ты умудрилась, вычитая 58 из 156 получить в остатке 43? – Если позволите, сэр, я вычитала 8 из 6 и получила 3 в остатке, после чего остается, после чего остается... Я думаю, остается 3, а потом... – Мир вам, берега крутые милой Дун! Вот это ответ! Вот это награда за мое учительское долготерпение! Джек Стилсон! – Да, сэр! – Держись прямо и не р-р-растягивай слова! Сил нет слушать! Разберем, что ты написал: «Лошадь проходит 96 футов за 4,2 секунды; сколько стоит бочка скумбрии, если картошка идет по 22 цента за бушель? Ответ: одиннадцать долларов сорок шесть центов. Неисправимый осел, неужто ты не понимаешь, что смешал три вопроса в один? О, суета сует ученья! О, вот моя десница, побратим, и протяни мне руку, и мы... С глаз долой, дубина стоеросовая!

Спектакль становился непереносимым Мальчик не забыл ни слова, ни интонации, ни взгляда, не пропустил ни малейшего оттенка или пустячной детали – он твердо знал свою роль,

⁴ «О, вы, шотландцы...» – Здесь и далее Фергюсон цитирует шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796). Уоллес Уильям (ок. 1270—1305) – национальный герой шотландского народа в борьбе за независимость от Англии

и публика могла в любой момент, закрыв глаза, сказать, кого он изображает. Его глубочайшая серьезность и искренность делали зрелище все мучительнее с каждой минутой. Некоторое время, сохраняя благопристойную, образцовую, героическую тишину, учитель и школьники сидели, давясь от смеха, и слезы текли у них по щекам, ибо правила поведения требовали соблюдения приличия и порядка; однако, когда незнакомец прочел ответ Джека Стилсона, сложил руки и в отчаянии возвел глаза к небу, точно имитируя манеру мистера Фергюсона, учитель не сдержал улыбки, и класс, почуяв послабление, разразился хохотом и вволю повеселился. Но мальчик спокойно продолжал в том же духе, не обращая внимания на крики, всхлипы и взрывы хохота, а потом поклонился и замер в вежливой выжидательной позе. Учитель долго не мог успокоить класс, потом сказал:

– Это самое поразительное, что я видел в жизни. Второго таланта, подобного тебе, в мире нет, мой мальчик; будь же благодарен за него и за ту благородную скромность, с какой ты несешь свое сокровище. Надолго ли останется у тебя в памяти то, что ты сейчас произнес?

– Я не могу забыть то, что видел или слышал, сэр

– Даже малости?

– Ничего, сэр

– Это невероятно, просто невозможно. Разрешите мне провести небольшой опыт – так, для удовольствия. Возьми мой французско-английский словарь и учи слова, пока я продолжу занятия с классом. Мы тебе не помешаем?

– Нет, сэр

Мальчик взял словарь и принялся бегло проглядывать страницы. Он явно не останавливался ни на одной из них, а окинув каждую взглядом сверху донизу, переходил к другой. Тем временем ученье шло по заведенному порядку, но состояло в основном из ляпсусов, потому что зачарованные глаза и умы школьников и учителя чаще всего обращались к новенькому. Через двадцать минут мальчик закрыл словарь. Мистер Фергюсон заметил это и сказал с ноткой разочарования:

– Извини, я вижу, что тебе это не интересно

– О, сэр, напротив! – по-французски ответил мальчик и затем перешел на английский: – Теперь я знаю слова вашего языка, но оборотов речи не знаю и, возможно, – как это называется? – произношения – тоже.

– Ты знаешь слова? Сколько английских слов ты знаешь?

– Все, сэр.

– Ну, полно, там же 645 страниц формата ин-октаво, ты не мог просмотреть и десятую часть словаря за такое короткое время. Две секунды на страницу? Это невозможно!

Мальчик почтительно поклонился и промолчал.

– Ну вот, снова я провинился. Придется поучиться у тебя – вежливости. Дай мне словарь. Начинай, говори, что запомнил.

Еще одно чудо! Из уст новенького стремительным потоком полились слова, определения, примеры употребления, знаки, обозначающие части речи; он не упустил ничего, ни одной незначительной детали, и даже его произношение было в основном правильным, потому что это был и фонетический словарь. Учитель и ученики замерли, замороженные, преисполненные благоговения и восторга, не замечая течения времени, не замечая ничего, кроме дивного незнакомца и изумительного зрелища. Наконец чудодей прервал декламацию и заявил, выражаясь несколько тяжеловесно.

– Это необходимо, разумеется – *n'est-ce pas?*⁵ —, чтоб я смог применить механику грамматических правил, ибо значение слов, которые составляют их, я постиг... – тут он сделал паузу, процитировал нарушенное правило, исправил предложение и продолжал: – Конечно,

---

⁵ *n'est-ce pa?* – Не так ли? (фр.)

я теперь понимаю английский применительно к уроку арифметики, правда, не все, но здесь виноват словарь. Ну, например: «О, вы, шотландцы, пролившие с Уоллесом кровь... Салли Фитч пихнула меня... Мир вам, берега крутые милой Дун... О, вот моя десница, побратим, и протяни мне руку». Некоторые из этих слов по недоразумению отсутствуют в словаре, и потому возникает путаница. Не зная слова «пихнула», вы не поймете суть объяснения, которое изволила дать мадемуазель Тэчер; если вы не понимаете, что такое «десница» – оружие ли это, либо подразумевается что-то другое, вы снова попадаете в затруднительное положение.

Молчание. Учитель, словно пробудившись ото сна, воздел руки и сказал:

– Это не попугай, он мыслит! Мальчик, ты – чудо! Прослушав урок час и подготовив задание за полчаса, ты сумел выучить английский язык. Ты один во всей Америке знаешь все английские слова. Храни их в памяти, постепенно овладеешь и грамматическими конструкциями. Сейчас займись латынью, греческим, стенографией и математикой. Вот книги. Даю тебе тридцать минут на каждый предмет. Таким образом твое образование будет завершено. Но расскажи, как это тебе удастся? Каким методом ты пользуешься? Ведь ты не читаешь каждую страницу, а просто скользишь по ней взглядом, будто стираешь колонку цифр с грифельной доски. Ты меня понимаешь?

– Да, господин учитель, прекрасно. Я не пользуюсь каким-то особым методом, то есть у меня нет секретов. Я вижу всю страницу разом, вот и все.

– Но ты постигаешь содержание в мгновение ока.

– Разве то, что есть характерно для страницы, – он сделал паузу и, вспомнив правило, повторил уже без ошибки: – Разве то, что характерно для страницы, не характерно, к примеру, для школы? Я разом вижу всех учеников – как любой из них одет, как держится, какое у него выражение лица, цвет волос и глаз, какой длины нос, зашнурованы ли у него ботинки.

Маргарет Стоувер, сидевшая в углу, поджала ногу с расшнурованным ботинком.

– Да, мне не доводилось видеть людей, способных схватить тысячу "деталей в один миг. Вероятно, это под силу лишь глазам удивительного существа – стрекозы, но у нее их двенадцать тысяч, так что улов такого всеобъемлющего взгляда вполне объясним. Займитесь латынью, молодой человек, – и учитель, вздохнув, добавил: – А мы снова возьмемся за свой постылый тяжкий труд.

Новенький взял книгу и принялся листать страницы, будто тщательно пересчитывал их. Класс со злорадством глянул на Генри Баскома и с удивлением отметил, что он невесел. Он один во всей школе учил латынь, чванился своим отличием, и это было сущим наказанием для остальных.

Школьники монотонно бубнили, жужжали, но ученье не шло зубрилам на ум: зависть к новому ученику расхолаживала всех. Через полчаса они увидели, что новенький отложил латынь и взялся за греческий; класс снова злорадно глянул на Генри Баскома, и довольный шепоток пополз по рядам. Незнакомец тем временем освоил греческий и математику, затем взялся за «Новый метод стенографии под названием фонография». Но и на фонографию ушло мало времени – минута и двадцать секунд, и он успел еще небрежно пролистать несколько книг. Учитель заметил это и спросил как бы между делом:

– Ты так быстро разобрался в фонографии?

– Но ведь она – только ряд сжатых и простых правил, сэр. Их можно применять легко и уверенно, как принципы математики. К тому же помогают примеры – даются бесчисленные комбинации английских слов с пропущенными гласными. Она замечательна, эта система, своей точностью и ясностью: вы можете писать по-латыни и по-гречески, используя словосочетания с пропущенными гласными, и все-таки вас поймут.

– Твой английский шлифуется с быстротой молнии, мой мальчик.

– Да, сэр, я прочел эти книги, и они обогатили меня знанием оборотов речи, теми формами, в которые отливается язык, – идиомами.

– Я уже не в силах удивляться. Наверное, нет чуда, недоступного твоему уму. Подойди, пожалуйста, к доске, я хотел бы посмотреть, как выглядит греческий в фонографических словосочетаниях с выпущенными гласными Я прочту несколько абзацев.

Мальчик взял в руки мел, и испытание началось. Учитель читал медленно, потом немного быстрее, потом еще быстрее, потом так быстро, как только мог. Мальчик попевал – и без заметного напряжения. Затем учитель подкинул ему несколько латинских предложений, английских, французских и одну или две трудных задачи из Евклидовой геометрии для вычисления. Мальчик осилил все

– Это поразительно, дитя мое, поразительно, ошеломительно! Соверши еще одно чудо, и я выкину белый флаг. Вот листок с колонками цифр. Произведи сложение. Я однажды видел, как знаменитый мастер быстрого счета проделал это за три минуты с четвертью, и я знаю результат. Я буду следить по часам. Побей его рекорд!

Мальчик глянул на листок, поклонился и сказал:

– Общая сумма – 4 865 493, если неразборчивая двадцать третья цифра в пятой колонке – девять, если же это семь – общая сумма меньше на два.

– Верно, и ты победил с невероятным перевесом, но ведь у тебя не было времени разглядеть неразборчиво написанную цифру, не говоря уж о том, чтобы определить ее место. Подожди, я ее найду. Ты говоришь – двадцать третья? Вот она, но не могу сказать, что это: может быть, девять, а может быть, и семь. Впрочем, неважно, один из твоих ответов правильный, в зависимости от того, девятка там или семерка. Бог ты мой, неужели мои часы верные? Большая перемена давно закончилась, и мы все забыли про обед. За тридцать лет моей учительской практики такого не случалось. Поистине день чудес! Дети, разве можем мы, жалкие кроты, и дальше заниматься постылой зубрежкой после этого потрясающего, немыслимого интеллектуального пожара! Занятия окончены. Мой удивительный ученик, назови свое имя.

Все, как один, подались вперед, жадно вперившись в незнакомца завистливыми глазами, – все, кроме Баскома, который, надувшись, стоял в стороне.

– Quarante – quatre, сэр. – Сорок четвертый⁶.

– Как так? Это же число, а не имя.

Незнакомец молча поклонился. Учитель оставил эту тему.

– Когда ты приехал к нам?

– Вчера вечером, сэр.

– У тебя здесь друзья или родственники?

– Никого нет, сэр. Мистер Хотчкис пустил меня в свой дом

– Ты еще убедишься, что Хотчкисы – хорошие люди, прекрасные люди. У тебя было к ним рекомендательное письмо?

– Нет, сэр.

– Видишь, я любопытен. Мы все любопытны в нашем скучном захолустье, но это безобидное любопытство. Как тебе удалось объясниться с ними?

– При помощи знаков и их сострадания. Я, чужой, стоял на морозе.

– Понятно, и мысль хорошо выражена, без лишних слов. Это характеризует Хотчкисов, это целый рассказ о них. Откуда ты приехал и на чем?

Сорок четвертый молча отвесил поклон. Учитель добродушно улыбнулся:

– Ну вот, я снова проявил неделикатность, ты не злопамятен? Нет, я хотел сказать, позабудь об этом, учиты... В общем, мысль такая: не обращай внимания! Именно так – не обращай внимания! Я рад, что ты приехал, я благодарен тебе за это

---

⁶ «Сорок четвертый» – Существует несколько догадок по поводу странного имени молодого Сатаны Американский исследователь творчества М. Твена У. Гибсон, ссылаясь на черновики писателя, предполагает, что имя героя показывает, какая большая семья у Сатаны.

– Спасибо, сэр, большое спасибо, сэр

– Мое официальное положение обязывает меня покинуть школу первым. Извини, что я не пропускаю тебя вперед. Адью!

– Адью, мой учитель!

Школьники расступились, и старый джентльмен прошествовал между рядами с большим достоинством, подобающим его официальному положению

Глава II

Девочки ушли, оживленно переговариваясь, им не терпелось поскорей попасть домой и рассказать про чудеса, которые они видели; мальчишки столпились возле школы и ждали – молчаливые, настороженные, взволнованные. Непогода их мало беспокоила, их захватил какой-то общий всеобъемлющий интерес. Генри Баском стоял особняком, поближе к двери Новенький еще не появлялся. Том Сойер задержал его в школе и предупредил:

– Берегись, он будет ждать – тот самый задира, Генри Баском. Он каверзный и подлый парень.

– Будет ждать?

– Да, будет ждать – тебя.

– Зачем?

– А чтобы отлупить, накостылять по шее.

– За что?

– Ну, в этом году он тут всем верховодит, а новенький.

– И в этом все дело?

– В общем – да. Ему нужно проверить, чего ты стоишь, и сегодня же, тут он промашки не даст.

– Стало быть, здесь такой обычай?

– Да, ему придется драться, хочет он или нет. Но он хочет. Ты заткнул его за пояс своей латынью.

– Заткнул за пояс? *Je ne...*⁷

– Да, так говорится. Значит – положил на обе лопатки.

– На обе лопатки?

– Ну да, прихлопнул его туза козырем.

– Прихлопнул его...

– Туза. Значит, натянул ему нос.

– Уверяю вас, это ошибка. Я не тянул его за нос.

– Да ты не понимаешь. Хотя чего тут не понять? Ты загнал его в тупик, вот он и злится.

Лицо новенького выразило отчаяние. Том на минуту задумался, и в глазах его засветилась надежда. Он сказал уверенно:

---

⁷ *Je ne...* – Я не... (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.